

1 ЦАРСТВ

Урок 44 - Главы 29 и 30.

На прошлом уроке мы начали изучать 29 главу 1-й книги Царств и установили, что история рассказывается в стиле флэш-бэк, и, таким образом, она интегрируется и перекрывается с повествованием главы 28. Особенно это заметно при описании расположения боевого лагеря филистимлян, который, как сказано в главе 28, находится в Сонаме на краю долины Изреель, и израильского боевого лагеря, расположенного на вершине горы Гелвуй недалеко от Сонама. Глава 29 сообщает нам, что филистимляне впервые собрались в Афеке, который находится на северной окраине филистимской территории, в то время как Израиль использовал большой источник примерно в 8 км от города Изреель в качестве точки сбора кланов и колен, чтобы собраться для войны. Как только обе армии были собраны, они отправились в свои соответствующие боевые лагеря в Сонаме и на Гелвуй.

Давайте перечитаем эту короткую главу 29, чтобы освежить наши воспоминания о ситуации.

ПЕРЕЧИТАЙТЕ всю 29-Ю ГЛАВУ 1-й КНИГИ ЦАРСТВ.

Обстоятельства таковы, что, когда армии 5 филистимских царей прибывали в Афек, появился Давид и его люди, замыкающие тыл в составе контингента Анхуса. Четверо филистимских царей (Анхус - 5-й) были удивлены и нисколько не обрадовались, обнаружив там Давида и его армию. Очевидно, они знали о союзе, который Анхус заключил с Давидом, и о том, что Анхус доволен Давидом, его людьми и их семьями, живущими на территории Анхуса. Но здравый смысл подсказывал им, что допустить участие еврея Давида и его людей в войне против их собственных соотечественников (независимо от политических трудностей с Саулом, которые вынудили Давида отправиться в добровольное изгнание) было слишком рискованно.

Анхус был настолько твёрдо убеждён в надёжности Давида и в том, что Давид разорвал все отношения с Израилем в целом (из-за его набегов на иудейские поселения в Негев), что он защищал право Давида на участие в предстоящей битве. Царь Анхус сказал, что он имел дело с Давидом почти полтора года и что Давид доказал, что ему можно только доверять.

В 4-м стихе 4 филистимских царя спорят с Анхусом и убеждают его отправить Давида обратно в Секелаг, потому что было весьма вероятно, что, как только начнётся битва, Давид обратится против филистимлян, чтобы вернуть расположение израильтян. В большинстве версий говорится их предположение о том, что Давид может опять стать врагом филистимлян.

Еврейское слово, которое переводится как враг или супостат, нам знакомо: **сатан**. Их обвинение заключается в том, что Давид может стать филистимским сатаной. Несмотря на то, что мы склонны использовать слово «сатана» в качестве официального названия дьявола, на самом деле это всего лишь распространённый еврейский термин, означающий противника. И здесь мы видим хороший пример того, что делает противник (**сатан**) в глазах древних. Прежде всего сатана - это предатель. Во-вторых, сатана будет сражаться против своего бывшего союзника и царя. В-третьих, несмотря на то, что он может притворяться верным, его слова пусты, потому что сатана по своей природе лжец. Это атрибуты лукавого, которого мы называем сатаной, и о них всегда следует помнить.

Филистимские цари умоляли Анхуса образумиться и вспомнить, что леопард не может сбросить свои пятна. «Это Давид», - напоминают они ему. Это человек, который является очень свирепым воином и способен завоевать лояльность своих войск до такой степени, что еврейские женщины сочинили о нём песни, которые сделали его в их глазах в 10 раз более великим, чем царь Израиля! Анхус понял, что спорить дальше нет смысла, поэтому он призвал Давида и сообщил ему плохие новости, а также извинился. Он признаёт, что Давид был честным и правдивым с ним, и что он был бы очень рад, если бы Давид сражался бок о бок с ним в битве. Но, увы, другие филистимские владыки не хотят этого, потому что они не доверяют Давиду. Так что Давиду пришлось взять своих людей и вернуться в Секелаг.

В стихе 6 Анхус так взволнован необходимостью сообщить Давиду об этом решении, что даже призывает имя израильского Бога Давида, когда говорит: «жив Господь! ты честен». Это, несомненно, был акт величайшей вежливости и почтения по отношению к Давиду. Но далее в стихе 8 нам следует удивиться, обнаружив, что Давид действительно пытался переубедить Анхуса. Он говорит, что удивлён и сбит с толку, потому что не может себе представить, что он сделал, чтобы заслужить такое обращение. Он спрашивает, что в нём такого, что Анхус находит подозрительным, из-за чего он не позволяет Давиду «воевать с врагами господина моего, царя?».

Многие еврейские и христианские учёные отказываются видеть в заявлении Давида что-либо, кроме обмана. Они говорят, что его обращение к Анхусу «господин мой, царь» было намеренно двусмысленным; что Давид МОГ иметь в виду Саула. Должен вам сказать, я не вижу ничего, что подтверждало бы такую точку зрения. Давид, безусловно, намеревался сражаться за Анхуса и против войск Саула. То, что сделал бы Давид, если бы он столкнулся лицом к лицу с Саулом, открыто для обсуждения, но наверняка у Давида не было проблем с убийством солдат Саула, еврейских или нет. Не записано ничего,

что указывало бы на то, что Давид до сих пор замышлял внезапное нападение на филистимлян, которые подружились с ним и спасли его от Саула.

Поэтому Анхус велел Давиду переночевать в филистимском лагере в Афеке, а утром встать и отправиться обратно в Секелаг. Давид подчинился. Божьим провидением Давид снова был спасён от самого себя. Трудно сказать, как отреагировал бы Давид, когда начал бы сражаться против своих собственных братьев. Также сомнительно, что все люди Давида присоединились бы к нему. Конечно, какое-то неизвестное число воинов Давида не смогло бы заставить себя пролить кровь своих дальних родственников ради амбиций филистимлянина. Одно дело совершать набеги на иудейские деревни ради наживы и пропитания, забирая животных, еду и другие ценные товары, и совсем другое - сражаться против своего народа от имени врага.

Давид оказался в очень тяжёлой ситуации, он стал изгоем в глазах собственного колена, Иуды, и своего собственного народа, Израиля, из-за своей связи с Анхусом и грабежа своего собственного народа. И в то же время он полагался на филистимлян, которые охраняли его от царя Саула. Должен ли он сражаться против человека, которого он непоколебимо признавал помазанным Богом царём, или он должен обратиться против царя Гефа, Анхуса, который проявил к Давиду такую милость и гостеприимство (и доверял ему)?

Похоже, что в этой ситуации, какой бы путь он ни выбрал, на его руках была бы кровь, а на голове - грех. Конечно, эта беспроегрышная дилемма возникла в результате серии решений, не заслуживающих восхищения, и склонности Давида ко лжи, обману и сохранению своей жизни любой ценой. Но у Бога были великие планы относительно Давида, и поэтому невидимо и неожиданно, как может сделать только Иегова, вмешался Господь, и Давид чудесным образом был избавлен от необходимости выбирать между борьбой с израильтянами и борьбой с Анхусом. Но это не значит, что его действия не имели ужасных последствий.

Давайте прочитаем об этих последствиях в главе 30.

ПРОЧИТАЙТЕ всю 30-ю ГЛАВУ 1-й КНИГИ ЦАРСТВ.

Через три дня после разговора с Анхусом Давид и его люди вернулись в Секелаг и пришли в ужас, увидев его сгоревшим дотла. Ничего не осталось, все женщины и дети пропали без вести. Когда Давид и его люди ушли с Анхусом, пришли амаликитяне и разграбили деревню. Без сомнения, амаликитяне ждали именно такой возможности отомстить за то, что Давид делал с ними в течение последнего года или около того.

В стихе 2 говорится, что Амаликитяне никого не убили, а увели всех с собой. На первый взгляд это кажется немного странным, учитывая, что при нападении Давида на амаликитян, он грабил их, а затем убивал всех взрослых, мужчин и женщин, якобы для того, чтобы Анхус ничего не смог узнать от них о тактике Давида или количестве конфискованной добычи. Почему бы амаликитянам просто не перебить всех людей Давида в качестве расплаты? Было ли это своего рода добротой - просто похитить их? На самом деле амаликитянам нужно было пополнить своё племя, поскольку Давид убил многих из них. И это было и продолжает быть обычным явлением в племенных обществах, когда одно племя крало людей у другого племени как средство увеличения своего собственного. Расплата заключалась в том, что амаликитяне крали женщин у тех самых мужчин, которые убили амаликитянок.

Естественно, Давид и его люди были опустошены, их жёны и дети исчезли, отнятые земным врагом Бога №1 Амаликом. Печальная ирония заключается в том, что, если бы царь Саул или любой из предыдущих израильских лидеров последовал указанию Иеговы истребить амаликитян до последнего, этого бы никогда не произошло. Первое упоминание о приказе уничтожить Амалика появилось во времена Моисея. Амалик был первым, кто попытался уничтожить Израиль, и это произошло почти сразу после искупления Израиля. Они только что покинули Египет и ещё даже не достигли горы Синай, когда напал Амалик.

Второзаконие 25:17-19: «Помни, как поступил с тобою Амалі́к на пути, когда вы шли из Египта: ¹⁸как он встретил тебя на пути, и побил сзади тебя всех ослабевших, когда ты устал и утомился, и не побоялся он Бога; ¹⁹итак, когда Господь Бог твой успокоит тебя от всех врагов твоих со всех сторон, на земле, которую Господь Бог твой даёт тебе в удел, чтоб овладеть ею, изгладь память Амалика из поднебесной; не забудь».

Но почти 400 лет спустя во времена Саула и Давида Бог не забыл про амаликитян, хотя у Израиля теперь были другие враги, о которых они беспокоились больше, и поэтому у них была решительная двойственность по отношению к этому повелению:

1 Царств 15:1-3: «И сказал Самуил Саулу: Господь послал меня помазать тебя царём над народом Его, над Израилем; теперь послушай гласа Господа. ²Так говорит Господь Саваоф: вспомнил Я о том, что сделал Амалик Израилью, как он противостоял ему на пути, когда он шёл из Египта; ³теперь иди и порази Амалика [и Иерима] и истреби всё, что у него; [не бери себе ничего у них, но уничтожь и предай заклятию всё, что у него;] и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла».

Это путь людей. Мы считаем, что с течением времени, развитием общества и культуры старые способы автоматически становятся неактуальными, и поэтому мы больше не обязаны им следовать. Вероятно, именно поэтому Библия использует любую возможность, чтобы напомнить нам, что, хотя мы и можем измениться, Бог этого никогда не делает.

Я убит горем, огорчён и зол из-за того, что многие евреи и христиане, оглядываясь назад, решили, что было неправильно и варварски со стороны Бога приказать уничтожить Амалика (или кого-либо ещё, если уж на то пошло), и что наш Спаситель (к счастью) решил, что нам нужно пойти другим путём и игнорировать то, что заповедал Отец. Именно потому Амалика продолжают сегодня желать уничтожения Израиля, и всё же многие считают, что мы должны видеть в них жертв и оказывать им милость и поддержку во имя Бога. Амалик продолжает жить в духе и во плоти. Мы говорили о духе Амалика на предыдущих уроках, и это трудная и противоречивая тема, потому что как верующим нам не нравится сталкиваться с реальностью и последствиями этого. В двух словах, дух Амалика жив и здоров во всех тех, кто противостоит Израилю и народу Божьему - евреям. Тот, кто является антисемитом, - это Амалик. Я не говорю о несогласии с какой-либо политической или социальной политикой израильского правительства, или об отвращении к радикальному и недоброму поведению некоторых ортодоксов, или о повсеместном и политкорректном преследовании израильскими евреями евреев, верующих в **Йешу́а**. Речь не идёт о всеобщем одобрении всего еврейского народа или всех еврейских личностей, или о том, что они вне критики. Скорее я говорю о фундаментальном стремлении встать на сторону врагов Израиля против Израиля. Я говорю о философском убеждении, что Израиль не должен иметь право на большую территорию, чем ту, которую, как считает мир, они должны иметь. Я говорю об отрицании того, что евреи и земля Израиля отделены для Бога, и о вере в то, что отделённая земля больше не принадлежит ТОЛЬКО отделённому народу.

Цель Армагеддона, по сути, состоит в том, чтобы наш вернувшийся Мессия, наконец, сделал то, что было поручено сделать всем лидерам Израиля, но не сделано из-за их собственного самоопределившегося чувства справедливости (которое фактически противоречило Божьему чувству справедливости). А также потому, что те, кто сегодня симпатизирует арабскому и мусульманскому миру против Израиля, имеют дух Амалика. И хотя я не выступаю за казнь этих людей в наши дни, я говорю, что те, кто имеет такое отношение к Израилю и еврейскому народу, находятся в прямой оппозиции к Богу и решили быть в гармонии с Амаликом. Я говорю так громко и решительно, как только могу, что, если вы посещаете церковь или синагогу, где руководство придерживается такого отношения и пропагандирует его,

уходите. Это вредоносный, смертоносный и заразный духовный вирус, и вам нужно держаться от него подальше.

Этот же смертоносный вирус теперь атаковал будущего царя Израиля Давида и угнал его жён, а также жён и детей его последователей. Люди Давида были настолько озлоблены, что многие думали, что Давида нужно побить камнями. Был ли Давид в чём-то виноват? Безусловно. Именно его ложь, обман и попытка играть по обе стороны баррикад одновременно поставили их всех в такую ситуацию. В то время как Давид вступил в союз с врагом и повёл своих людей на битву, чтобы сражаться против Божьего обособленного народа, враг незаметно вошёл и похитил их семьи. Пусть те, у кого есть уши, чтобы слышать, услышат.

И всё же люди Давида не могли оправданно возложить всю вину на Давида; они предпочли последовать за ним (они не были пленниками или рабами). К счастью, здравый смысл возобладал, и как только мужчины успокоились, они поняли, что убийство Давида не решит их проблемы. Так что же им делать? Снова они обратились к своему лидеру Давиду, и Давид (всё ещё сохранявший своё сердце для Бога, несмотря на все свои несовершенства) знал, что ему нужно обратиться к своему лидеру, Богу Израиля.

В стихе 7 говорится, что Давид «укрепился надеждою на Господа Бога своего». Вот пример, который мы должны запомнить и принять близко к сердцу: во времена великого бедствия и опасности первое, что нужно сделать, прежде чем действовать, - это обратиться с этим вопросом к Господу. К сожалению, часто это вторая вещь, которую мы делаем, сначала мы действуем по мере своих возможностей и сил и делаем всё хуже, а затем ищем Бога, чтобы исправить это.

Давид призвал первосвященника Авиафара, чтобы использовать для определения Божьей воли урим и туммим (которые хранились в ефодe первосвященника). Авиафар был потомком Авимелеха, верховного священника Номвы. Я понимаю, что в этом тексте не упоминаются урим и туммим, но очевидно, что в данном случае два божественных камня были средством общения с Богом. Давид задал ряд вопросов, первым и главным из которых был: должен ли он преследовать амаликитян, которые украли их женщин и детей? На этот вопрос Иегова ответил утвердительно. Следующий вопрос состоял в том, догонят ли они их, и ответ был таков, что они не только догонят их, но и вернут всех и всё.

Здесь есть интересный (и я уверен, намеренный) контраст между результатом поиска Давидом Божьего предсказания и попытками Саула сделать то же самое всего пару глав назад. Здесь Бог с готовностью отвечает Давиду, но

лишь молчаливо осуждает любые попытки Саула. Всё потому, что Бог был с Давидом, и больше не был с Саулом.

Позвольте мне отметить, что редактор 1-й книги Царств сформулировал слова, записанные как Божий ответ Давиду, но на самом деле они не были произнесены Богом. Мы можем знать это по нескольким причинам. Во-первых, Господь не говорил непосредственно с Давидом, как Он говорил с Моисеем (и в меньшей степени с пророками). Во-вторых, камни урим и туммим могли давать только двоичные ответы: да или нет, вправо или влево, одно или другое. Эта линия диалога добавлена просто для того, чтобы сделать историю более запоминающейся и захватывающей, и суть её точна. Давид задавал эти вопросы в той или иной форме, и Бог на них ответил: «Да». Уверенный в том, что исход уже определён и он должен быть хорошим, Давид собрал своих 600 человек и направился на юг, чтобы перехватить мародёрствующих амаликитян.

Пройдя около 40 км, они вышли к Вади и решили немного отдохнуть. 200 человек Давида были слишком измотаны, чтобы идти дальше. Мы должны помнить, что в течение последних нескольких дней они прошли маршем от Секелага до Афека, затем после одного ночного отдыха отправились обратно в Секелаг (3 дня пути в каждом направлении). Потом они вернулись домой усталые и нуждающиеся в еде, а там не было ни деревни, ни еды. Почти сразу же они построились и поспешили на юг, по крайней мере, на 2 долгих дня пути, пока не прибыли в Вади Восор, и там более слабые не смогли идти дальше. Таким образом, Давид оставил 200 человек в Вади и отправился дальше только с 400 более выносливыми людьми.

Отряд людей Давида шёл по вероятному следу амаликитских налётчиков и наткнулся в пустыне на египетского мальчика. Он был болен и не ел 3 дня. Как для того, чтобы попытаться получить важную информацию, так и для того, чтобы проявить доброту и сострадание, мальчику дают немного еды и воды, и он приходит в себя. Он объясняет, что он действительно был частью отряда амаликитян, совершавших набеги с целью грабежа на Негеф. Он был рабом, поэтому его заставили быть частью группы против его воли. Однако, когда амаликитяне бежали из этой местности, он заболел, и поэтому они бросили его умирать в пустыне.

Интересно, что признание мальчика объясняет, что амаликитяне нападали как на филистимские, так и на израильские деревни. В стихе 13, где говорится, что они совершили набег на Негев Керети (керетитов), на самом деле имеются в виду либо филистимляне, либо, по крайней мере, их этнические родственники. Мы находим доказательства этого в нескольких других местах Библии.

Иезекииль 25:16: «за то, так говорит Господь Бог: вот, Я простру руку Мою на Филистимлян, и истреблю Критян, и уничтожу остаток их на берегу моря».

Софония 2:5: «Горе жителям приморской страны, народу Критскому! Слово Господне на вас, Хананеи, земля Филистимская! Я истреблю тебя, и не будет у тебя жителей».

Еврейское слово, по-видимому, относится к Криту, откуда, считается, первоначально мигрировали филистимляне. Амаликитяне также разграбили территорию вокруг Хеврона (Негев Халева) и южные районы Иудеи. Они были пиратами пустыни с равными возможностями, и им было всё равно, чьи товары они крали. Итак, что мы можем понять, так это то, что, хотя Амалик был ненавистным врагом Израиля, он не был другом филистимлянам.

Давид спросил неназванного египтянина, может ли он повести людей Давида к амаликитянам. Мальчик ответил, что если Давид пообещает не наказывать его и не возвращать хозяину-амаликитянину, то он это сделает.

Мальчик верен своему слову, и в стихе 16 Давид натывается на группу пьяных амаликитян, разбросанных по пустыне и празднующих свой прибыльный набег на Негев. Разгневанная и закалённая армия Давида без особых проблем уничтожила неподготовленных амаликитян с затуманенными глазами. Ни у одного амаликитянина в руках не было оружия, и, по-видимому, не были установлены часовые, так что то, что произошло дальше, для амаликитян стало полной неожиданностью. Давид подождал, пока они не поддадутся влиянию вина и не уснут, и напал на них на рассвете. Сражение продолжалось почти до заката, и единственными выжившими амаликитянами были те, кто пас верблюдов (это, должно быть, были маленькие мальчики). Мы читаем, что спаслись 400 человек, уехав на этих верблюдах, это должно дать нам представление о численности военного отряда. Это была большая группа, более 1000 человек или больше, так что, должно быть, это была та ещё сцена.

Победоносный Давид спас всех женщин и детей до последнего, а также все товары и животных, которые были у них украдены. Я даже представить себе не могу, каким радостным должен был быть вечер воссоединения и облегчения. В дополнение к возвращению своей собственности, люди Давида также забрали всё, что амаликитяне забрали из других мест. Давид заявил, что это его собственность, хотя я не уверен, что это было правильно. Ещё в главе 15 Саулу было дано указание напасть на Амалика и уничтожить всё, вплоть до скота. Это было скорее постоянным приказом для всех израильских лидеров, а не одноразовой инструкцией, предназначенной только для Саула. Учитывая, что Давид посоветовался с Иеговой и получил указание идти за Амаликом, это пахнет священной войной, а трофеи священной войны принадлежат Богу.

Без сомнения, многое из того, что люди Давида извлекли из лагеря Амаликитян, было классифицировано как возвращение имущества, а не военной добычи. Но то, что взял Давид, действительно было военной добычей.

Когда группа отправилась обратно на север, они вернулись к своему маршруту, чтобы к ним могла присоединиться группа из 200 человек, оставшаяся в Вади Восор. В стихе 21 мы читаем, что эти люди увидели приближающегося Давида и пошли ему навстречу, и что Давид попросил у них мира. В наших переводах сказано, что Давид приветствовал их, но это было больше, чем просто «привет», на это указывает еврейское слово **шааль**. **Шааль** означает «спрашивать», это означает, что Давид спрашивал об их благополучии, как заботливый пастух. Я подозреваю, что повторная встреча двух групп была довольно напряжённой и неудобной (в конце концов, многие из возвращённых женщин и детей принадлежали тем 200 воинам, которые решили остаться). 400 человек рисковали своими жизнями ради общего блага, в то время как 200 человек благополучно отдыхали в Вади. Я думаю, Давид почувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет, и поэтому попытался немного сгладить ситуацию.

Конечно же, некоторые из 400 человек, спасшие их женщин, детей и имущество, сочли, что эти 200 не заслуживают ничего из того, что было возвращено (кроме их семей). Библия описывает людей, которые придерживались такого отношения, как **раах** и велиал: злые и никчёмные. Но дипломатическая сторона Давида проявляется, когда он, по сути, цитирует в ответ мушкетёрское кредо «один за всех и все за одного». Он объясняет, что Господь даровал им эту победу над амаликитянами, поэтому добыча должна быть поровну разделена между всеми членами общины: теми, кто пошёл и сражался, и теми, кто (из-за физического истощения) остался позади. На мой взгляд, это ещё больше подтверждает возможность того, что в действительности в глазах Бога это было предприятие священной войны и что Давид не имел права брать добычу амаликитян в качестве своей собственной добычи.

Тем не менее, мы должны заметить, что то, что предлагали злые и никчёмные люди, заключалось не столько в разделении имущества, взятого у амаликитян, на 400 долей вместо 600, а скорее в том, что единственное возмещение, которое должны были получить 200 человек, - это их семьи. Они не должны получать еду, животных и другие предметы, которые, возможно, принадлежали им до того, как их отняли амаликитяне. В конце концов, ясно, что Давид взял на себя ответственность за всё, что принадлежало амаликитянам (имеется в виду всё, что было выше и за пределами собственных возвращённых владений группы). В конце концов, Давид позаботился о том, чтобы каждая семья получила то, что было возвращено и принадлежало им.

Этот инцидент приобрел печальную известность и даже стал почти прецедентным правом. Это создало прецедент в отношении того, как следует решать такие вопросы. На самом деле на иврите говорится, что это стало **чок** и **мишпáт**: предписанием и судом. Другими словами, (как подразумевает слово **мишпат**) это постановление Давида было воспринято как надлежащее правосудие, и поэтому оно стало частью израильского правового кодекса, которому нужно было следовать, иначе наступало наказание.

Мы остановимся здесь и закончим эту главу на следующем уроке.